

Сергей Стратановский

ИЗБРАННЫЕ СТИХИ И ПОЭМЫ

1968 - 1977

х х х

Тихо, тихо в белой спальней
Белый потолок
С потолка глядит печальный
Без плечей, браток.

Он сидит, кусая гвозди
Держит молоток
Рано ты явился в гости
Милый мой браток

Белый свет через окошко
Светит на него
Подожди милоч,
 подожди немножко
Полчаса всего.

xxx

Что же ты головотелый
Легкий сахар не грызешь
А на стеночке, на белой
Все отшельником живешь.

Что же ты головопузый
Все скучаешь и молчишь
Разве только с пьяной Музой
В серой щели переспишь.

Ты ее как муху ловишь
Паутинясь целый век
Темнотелыш, темнолобыш
Насекомый человек.

Скоморошьи стихи

1.

Ты — Горох, Скоморох, Обезьяныч
 Мужичок в обезьяньей избе
 Почему обезумевший за ночь
 Я пришел за наукой к тебе?
 Я живой, но из жизни из'ятый
 По своей, по чужой ли вине?
 И любой человек обезьяний
 И полезен и родственен мне.
 Скоморошить? Давай скоморошить
 В речке воду рубить топором
 И седлать бестелесную лошадь
 С человеческим горьким лицом.
 За избенкой — дорога кривая
 Ночь беззвездна. Не сыщешь пути,
 И квасок с мужичком попивая
 Сладко жить в обезьяньей шерсти.

2.

Кто пожар скомороший зажег
 Ты ли Вася, ремесленник смеха
 Человек скоморошьего цеха
 Весь обряженный в огненный шелк
 И душа твоя, ах весела
 И колеблется почва и твердь
 Пусть горит, пусть сгорает дотла
 Ничего. Это легкая смерть.

О б в о д н ы й к а н а л

А там — Главрыбы и Главхлеба
 Немые, пасмурные души
 А там промышленное небо
 Стоит в канале
 И боль все медленней и глуше
 А ведь в начале
 Была такая боль...
 Дым заводской живет в канале
 Чуть брезжит, чуть брезжит осенний день
 И буквы вывески Главсоль
 Шагарт по воде
 И мнится: я совсем — не я
 Среди заводов и больниц
 Продмагазинов, скудных лиц
 Я стал молчанием и сором бытия.

х х х

Легкий мальчик порхает
 Беззаботен, любим
 Но слегка раздражает
 Игрословьем своим.
 Ах зачем в самом деле
 Он цитаты поет
 Из баллад о форели
 Разбивающей лед?
 Но тяжелое пламя
 Есть в основе вещей
 Есть Играющий нами
 Сорной горсткой людей.
 И поэтому нужен
 Мальчик дух, полухмель
 Что сегодня на ужин?
 Ну, конечно, форель.
 Мировое дыханье
 Нынче жжет не меня
 И я славлю порханье
 В божьей длани огня.

х х х

На улицах летнего света
 Пить воду и яблочный сок
 Шататься без толку, шататься
 Забыться, не слышать стараться
 Как дышит развязанный где-то
 Смертей и рождений мешок.
 Как страшен бывает ребенок
 Для жалких, никчемных отцов,
 Так время сквозь боль и спросонок
 Пугает и прячешь лицо
 На улицах сорного лета
 Экскурсии, игры детей
 И боль от животного света
 Грядущей любви и смертей.

х х х

На заводе умирали
 Каждый месяц, чередой.
 Их портреты выставляли
 В черных рамках, в проходной

И ручьями заводскими
 В чистой лодке похорон
 Приезжал всегда за ними
 Старый лодочник Харон

Через дождь, скучанье, горе
 Сквозь надгробные слова
 Уплывали души в море
 Там — Блаженных острова.

Х о л е р а

Она — Эриния, она — богиня мести
 И крови пролитой сестра
 И она в курортном месте
 Появилась неспроста
 А мы — курортники, мы — жалкие желудки
 Населяя санаторий
 И жуя как мякиш сутки
 Ждем таинственных историй
 Мы здесь избавлены от уз
 Работы скудной и немилой
 Нам дал путевки профсоюз
 Чтоб запаслись телесной силой
 И бодрый разум обрета
 Существовали б как дитя
 О, южное море и горы
 Пейзажи как на открытке
 И красавиц местных взоры
 И прохладные напитки
 В час жары, а в час прохлады
 В садах работают эстрады
 А еще по вечерам
 Закат работает пурпурный
 И корабль литературный
 По морским плывет волнам.
 И мы — курортная земля
 Руководимы чувством меры
 Но аллегория холеры
 Сошла на берег с корабля
 И свои дурные овощи
 На базаре продала
 И раздался крик о помощи
 Крик "Спасите! Жизнь прошла"
 Смятенбе. Все уносят ноги
 На север. К здоровым местам
 И аллегория тревоги
 Бежит за ними по пятам.

А в санатории — скандал
Боймся моря, пляжа, пищи
О, кто **Эрнину** позвал?
И месть за что? Мы сердцем нищи
Мы скромно жили. Мы служили
И боль напитками глушили
И Эрос нас не посещал.

М е т а ф и з и к

Жил философ о двух головах
Он работал простым кочегаром
На паровозах и недаром
Оказался о двух головах.

Он раньше думал, что в огне
Начало всех начал
И пламя бьется в глубине
Как жаркий интеграл

Событий, жизней и вещей
Хозяйства доброго природы
Ему причастны дни и годы
И разумение речей

Но тот огонь — отец отцов
Старел и меркнул год от года
И вся летящая в лицо
По рельсам, ясная ~~пожилая~~ природа

Вдруг стала скопищем слепцов:
Трава, деревья — все безглазы
Все — богадельня, дом калек
(Вот рока страшные проказы
Ты их добыча — человек)

Ушел на пенсию.

Покинул паровозы
Стал подрабатывать в артели для слепых
И бесполезны были слезы
Для глаз бездомных и пустых
И причастились вдруг сомненью
Деревья, рельсы и поля

И словно страшная земля
Небытие отверзлось зренью
Второй, духовной головы
Очам ущербного сознания
О, инвентарь существования:

Феномен страдающей травы,
 Феномен листьев, паровозы
 Огонь всемирный и живой
 Все стало ночью и землей.

Геростраты

А мы — Геростраты Геростратовичи
 Мы — растратчики

мирового огня

Поджигатели складов сырья
 И хранилищ плодоовощей.
 И вот со спичками идём
 Осенней ночью, под дождем
 Мы — разрушители вещей
 Мы ищем страшного экстаза
 А там, у жизни на краю
 Живёт она, овощебаза
 За Черной речкой, с небом рядом,
 Как Афродита с толстым задом
 Овощебаба во хмелю.
 О ней мы грезили в постели,
 И вот она на самом деле
 И роща пушкинской дуэли
 Сияет рядом с ней
 И Стиксов греческих черней
 Здесь речка Черная течёт,
 Но тот, кто пел, был счастлив тот
 Не умер тот и не умрет
 Не для него, для нас течёт
 Забвений страшная вода
 Осенней ночью, под дождем
 Из жалкой жизни мы уйдём
 Неведомо куда.
 Беги от ужаса забвений,
 Беги, как некогда Евгений
 От бронзы скачущей по мусорной земле
 Туда, где в слякоти и мгле

Лежит мочащаяся база,
Пустые овощи для города храня,
И как любовного экстаза,
Ждет Геростратова огня.
А мы — порыв, а мы угроза
Крадемся тихие как мышь,
И словно огненная роза
Ты засияешь и сгоришь.
Ведь мы — Геростраты Геростратовичи,
Расточители греческого первоогня,
Поджигатели складов сырья
И овощехранилищ.

Э р о с

И Эрос реющий в канале
И ночь разверзлась и светла
Когда влюбленные тела
Еще бессмертья не узнали
Но тени их слились в канале
И реет Эрос над землей
Он легкий бог, всегда ребенок
Всегда ликуя и резвясь
То вдруг как воздух чист и ~~жид~~ тонок
Земных вещей живая связь
Но есть тела, но есть созвездья
Разъединенные навек
И тщетно Эрос мирозданья
Зовет ущербный человек
И тень его ища слиянья
Любимой тени не найдет.

Ф а н т а з и я н а т е м у 1-го п с а л м а

Морей и трав колебля лона
 Под'емлет ветер смрадный прах
 Вы прах, отступники закона
 Тела горящие в пирах

Лишь тот блажен, кто к нечестивым
 Нейдет в греховные ~~двери~~ дома
 Их языки черны и льстивы
 А пир заражен как чума.

Они за страшными столами
 Не упадут пред Богом ниц
 Глядят их мускулы волками
 В груди у них сердца лисиц.

В ы - сор у Господа в ладони
 Земли пустое вещество
 А дни блаженного в Законе
 О Боге помыслы его.

Не видя судящих жестоко
 Не слыша недругов своих
 Он весь как древо у потока
 Толпы шумящей, вод мирских.

То ли Фрейда читать
И таскать его басни в кармане
То ли землю искать
Как пророческий посох в бурьяне

То ли жить начинать
То ли кончить, назад возвратиться
В общерусскую гать
В эту почву кричащую птицей

Или лучше про пьяную кружку
Поэму писать
И ночами подушку
Как мясо кусать.

х х х

За окном избы — земля ночная
Там пашет Бог колхозные поля
Тихо ангелы летая
Млеко звездное лия
И послушные зарницы
Озаряют божий труд
А с рассветом — его рукавицы
На распаханной ниве найдут.

Ф а б р и ч н ы й п е р е у л о к
О дети страшные заброшенных дворов
Убийцы женственности бледной
Услыша сердца зов
Идут к подруге бедной
К Пенни уличной, к ее груди сиротской
Уже полуживой от ненасытных рук
И вот когда взята игрушкой плотской
И брошена как сор
Над ней живет собор ее незримых мук

х х х

Гвоздь в углу, как мальчик страшный
Тихим пальчиком зовет
А в мозгу как невский лед
День задвигался вчерашний

Только будущее светит
Только будущим живем
А в углу играют дети
С тихим братиком, с гвоздем.

ДИАЛОГ О ГРЕХЕ МЕЖДУ
СТАРИЧКОМ ГРИГОРИЕМ СКОВОРОДОЙ И ОБЕЗЬЯНОЙ ПИШЕК

Сковорода:

Говорил сосуд с мочой
Доброму сосуду
Я сияю, золотой,
Уподобен чуду.

Говорил Мельхиседек,
Старец иудейский,
Что подобен человек
Кому грязи мерзкой.

Говорил казак Петро,
Внук Мельхиседека,
Что тигриное нутро,
Время человека.

Дал творению господь
Благости излишек.
Отчего ж преступна, плоть,
Отвечай мне, Пишек?

Пишек:

Ева оному виной
Страшен мир двуполый
Происходит грех земной
От прабабы голой

Возлюбила грязь и плоть
И зиянье срама.
И разгневался господь,
И случилась драма.

Сковорода:

Заслужили божий суд
Люди — бедокуры.
Где ж спасенье? Не спасут
Греки — эпикуры.

Вся материя больна,
Как праматерь — Ева,
И черна, как мир вина,
Потребивших с древа.

Пьянство, сытость, блудострасть
Панствуют повсюду
И в коронах блудовласть
Сладословит уду.

Потеряли люди стыд
В суете греховной
Где же, Пишек, заблестит
Нам алмаз духовный?

Пишек:

О, в навозе сей алмаз,
в черноте паскудной
Разгребь и прямо в глаз
Засияет чудный.

Как черна сковорода
С белыми блинами
Черен мир, но не беда —
Божья правда с нами.

Сковорода:

Ах, сияющий обман,
Время человек
Чуден мраморный болван
Обольститель греков.

Афинейское свое
Гнет афинорожий,
Не познав, что мир — сырье
Для машины божьей.

Пишек:

О, не будь, дружечек мой,
Носорогом школьным,
Не грози сковородой
Еллинам фривольным

Не гляди, что любят фалл,
И похабны рожи
В сих олимпянах играл
Божий пламень все же.

Сковорода:

Ах, мартышечка моя,
Дорогая Пишек,
Есть в проблемах бытия
Черных дыр излишек.

Не заткнет старик Сократ
Грецкими словами
Ах, премудрость – страшный сад
С черными плодами.

Хор с неба:

Празднен разума вопрос
Чушь – дела земные
Перед тем, что спас Христос,
Атомы больные.

Не ищи Сковорода
Мудрости сосуды
Стань юродом навсегда,
Обличая уды.

Будь в немудрости мудрец
Просияй в народе
И тебе сплетет венец
Божий птах Еродий.